

УДК 325.2:355.013.2(510)

С. В. Смирнов

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ РУССКОГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА В КИТАЕ

РОВС являлся крупнейшей военной антисоветской организацией российской послереволюционной эмиграции. В статье рассматривается процесс становления структур РОВСа в Китае на протяжении 1925–1930 гг. Источниковую базу публикации составили малоизвестные документы из архивов сан-францисского Музея русской культуры и Гуверовского института. Процесс консолидации военной эмиграции в Китае шел сложнее и дольше, чем в Европе, в силу неоднородности военной эмиграции, внутренних острых противоречий и отсутствия лидеров, способных сплотить вокруг себя основную массу военных эмигрантов. Процесс объединения был ускорен в конце 1920-х гг. ростом международных противоречий на Дальнем Востоке, а приход к руководству Дальневосточным отделом Союза генерала М. К. Дитерихса завершил становление структур РОВСа в Китае.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Русский Обще-Воинский Союз (РОВС); военная эмиграция; Китай; Корпус Императорской Армии и Флота (КИАФ); Союз служивших в Российских Армии и Флоте (ССРАиФ); Братство Русской Правды (БРП).

Русский Обще-Воинский Союз (РОВС), 90-летие создания которого приходится на 2014 г., являлся крупнейшей военной организацией российской эмиграции так называемой первой волны.

На сегодняшний день история РОВСа уже основательно изучена. Еще в советский период появились работы, посвященные контрреволюционной, антисоветской деятельности белоэмигрантских организаций, среди которых Обще-Воинский Союз занимал одно из ведущих мест. Впрочем, строгая идеологическая заданность и слабость источниковой базы не позволили советским историкам изучить во всей полноте деятельность РОВСа, рассматривавшим ее не иначе как в контексте «краха контрреволюции за рубежом» или «агонии белой эмиграции» [Июффе; Комин; Мухачев; Шкаренков]. Изменение политико-идеологической ситуации в России на рубеже 1980–1990-х гг., стремительный взлет интереса к истории эмиграции и открытие ранее запретных для исследователей архивохранилищ обеспечили появление большого количества трудов, посвященных российскому военному и политическому зарубежью, его организациям и ведущим деятелям. Большой вклад в изучение истории РОВСа и других военных организаций российской эмиграции внесли В. Ф. Ершов, А. М. Бегилов, А. М. Борейко, В. И. Голдин, Е. Б. Парфенов, Е. И. Пивовар и др. Однако нужно отметить, что приводимые в данных работах сведения, относящиеся к деятельности Обще-Воинского Союза на Дальнем Востоке, лаконичны и фрагментарны. Столь же фрагментарны и сведения о РОВСе, содержащиеся в исследованиях историков, изучающих историю российской эмиграции на Дальнем Востоке [Аблажей; Аблова; Наземцева]. В зарубежной историографии, насколько нам известно, деятельность РОВСа на Востоке, впрочем, как и деятельность

РОВСа вообще, никогда не выступала объектом самостоятельного исследования [Robinson].

Одной из главных причин незначительной изученности истории Дальневосточного отдела РОВСа является недостаток исторических материалов. В отличие от европейских и северо-американского отделов Обще-Воинского Союза, большое количество документов которых отложились в Государственном архиве Российской Федерации и архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете, документации Дальневосточного отдела сохранилось очень мало. Как нам известно, почти весь архив Харбинского отделения РОВСа был утрачен. Небольшая часть документов из Шанхая была переправлена в Русский заграничный архив в Прагу и сейчас находится в ГАРФ, другие документы попали в США. В частности, работа автора с материалами Дальневосточного отдела РОВСа, хранящимися в Музее русской культуры в Сан-Франциско и Гуверовском архиве, позволила пролить дополнительный свет на историю крупнейшей военной организации российской эмиграции на Дальнем Востоке.

В настоящей статье мы сосредотачиваем свое внимание на этапе становления и начала деятельности подразделений РОВСа в Китае.

Обще-Воинский Союз был создан в сентябре 1924 г. под руководством генерала П. Н. Врангеля. Главная цель Союза заключалась в объединении российской военной эмиграции для обеспечения выживания ее членов и продолжения борьбы за освобождение России от большевистского режима. Свою основную деятельность Союз развернул в странах Европы, где и размещалась большая часть офицерского корпуса и рядовых чинов Белой армии. В качестве своего верховного начальника члены объединения признавали великого князя Николая Николаевича, объявившего в ноябре 1924 г. о своем возглавлении армии и военных организаций в эмиграции.

Дальний Восток, где в результате Гражданской войны в России оказалось несколько десятков тысяч офицеров и солдат белых армий, с самого начала привлекал к себе большое внимание формирующегося Обще-Воинского Союза. В это время в Европу проникли сведения о широком повстанческом движении в Сибири и на российском Дальнем Востоке, деятельности многочисленных белых партизанских отрядов в приграничных районах и создании русского воинского контингента в армии китайского маршала Чжан Цзолиня, контролировавшего Маньчжурию.

С целью выяснить реальную обстановку на Дальнем Востоке, возможность восстановления там антибольшевистского фронта и организации подразделения РОВСа, в условиях усиливающейся конкуренции с КИАФ¹, туда был направлен генерал-лейтенант А. С. Лукомский, назначенный региональным уполномоченным Его Императорского Величества ВК Николая Николаевича. Лукомский

¹ РОВС был не единственной организацией, стремившейся к объединению военной эмиграции. Свои претензии на руководство Русской армией в изгнании выдвигал Высший Монархический Совет (ВМС) и провозгласивший себя в 1924 г. императором Всероссийским великий князь Кирилл Владимирович, под чьим руководством в том же году был создан Корпус офицеров Императорских Армии и Флота (КИАФ).

считался талантливым генштабистом и хорошим организатором, что отмечали и его друзья, и враги [см.: Наземцева, с. 64]. Но он еще не знал, с чем ему предстоит столкнуться на Дальнем Востоке.

В своей основной массе русская военная эмиграция на Дальнем Востоке, главным образом в Китае, сформировалась в 1920–1922 гг. в результате поражения белых армий на востоке России и отступления их остатков в Китай. Даже по самым скромным подсчетам Лукомского, в середине 1920-х гг. в Китае (не считая Синьцзяна) находилось 25 тысяч белых офицеров и солдат [НИА, Lukomskii Papers, b. 1, f. Report...]. Реальная численность русских военных в Китае была выше в два-три раза.

Отступавшие на территорию Китая русские воинские подразделения были весьма разношерстными и принадлежали к разным «партиям». Здесь находились остатки войск адмирала А. В. Колчака, объединенные в период Сибирского Ледяного похода генералом В. О. Каппелем и взявшие после его смерти имя «каппелевцы», военнослужащие из бывших частей атамана Г. М. Семенова и других атаманов — А. И. Дутова, И. П. Калмыкова, Б. В. Анненкова. Нередко различные «партии» враждовали между собой, что было особенно характерно для «каппелевцев» и «семеновцев».

Практически никаких попыток сохранить единство воинской массы не принималось, да их и невозможно было осуществить, поскольку какой-нибудь поддержки в этом вопросе от китайских властей ожидать не приходилось. Открытое пособничество белым могло привести к вторжению Красной армии в Маньчжурию, а сохранение крупного воинского контингента русских на северо-востоке Китая, пусть и практически безоружного, угрожало общественному спокойствию. Европейские державы и Япония также отказались помогать русским военным, эвакуировавшимся на территорию Китая.

После эвакуации в Китай многие русские военные владели жалкое существование, не имели постоянной работы и сколько-нибудь определенных перспектив дальнейшей жизни в совершенно чужой для них стране. Поэтому многие покинули Китай, перебравшись в другие страны, или вернулись на родину. Большую роль по разложению белой военной эмиграции играли советские спецслужбы, разжигая в эмигрантах тоску по утраченной родине и побуждая их к сотрудничеству за возможность возвращения, а также сталкивая одни группировки с другими и физически ликвидируя наиболее опасных для себя лиц. Советское влияние на китайской территории, особенно в Маньчжурии, сильно возросло после установления в 1924 г. дипломатических отношений между Москвой и Пекином, возвратившим, в том числе, и двойственное советско-китайское управление КВЖД.

Организации военных, которые начали создаваться вскоре после эмиграции, первоначально были небольшими, полулегальными, в связи с чем не обладали значительным авторитетом и практически не имели средств для поддержания своих членов. В Харбине, главном центре русской эмиграции в Китае, действовало несколько таких организаций — Офицерский союз, Союз Георгиевских кавалеров, Дальневосточное общество офицеров Генерального Штаба, Семья артиллериста,

казахьи объединения, среди которых наиболее ранним был созданный в 1923 г. Восточный казачий союз. Каждая из организаций действовала самостоятельно, не помышляя о каком-то более широком объединении.

Генерал Лукомский отбыл на Дальний Восток через Соединенные Штаты осенью 1924 г. с предписанием ни в коем случае не разглашать истинных целей своей поездки, представляя ее как частное предприятие. Но, как все тайное, истинная цель поездки генерала вскоре стала известна всем.

Прибыв в Токио, где он должен был прощупать почву на предмет возможности заключения союза против большевиков с Японией, Лукомский встретил здесь весьма холодный прием. Японское правительство в это время вело переговоры о подписании соглашения с СССР и не желало компрометировать себя какими-либо контактами с антибольшевиками. Было очевидным, что ни Япония, ни маньчжурский диктатор Чжан Цзолинь, тесно связанный с японцами, в ближайшее время не только не станут союзниками, но и не допустят на контролируемой ими территории создания плацдарма для борьбы против Советской России. Еще находясь в японской столице, Лукомский отказался от поездки в Харбин, где первоначально предполагал обосноваться и оттуда вести работу. Основным местом его трехмесячного пребывания в Китае стал Шанхай.

В Токио и Шанхае представитель ВК Николая Николаевича имел ряд встреч с деятелями военной и политической эмиграции, а также установил письменные контакты с некоторыми интересовавшими его лицами. На основании полученной информации Лукомский сделал несколько неутешительных для центра выводов. За редким исключением почти все, с кем он имел возможность общаться, сообщали, что ни в Сибири, ни на Дальнем Востоке России, несмотря на высокую степень недовольства советским режимом, нет достаточных сил и необходимых условий для подъема мощного антибольшевистского выступления. Отсутствует столь необходимая внешняя поддержка, нет достаточных финансовых средств и оружия, почти прекратилось белое партизанское движение в приграничных районах. В своем дневнике Лукомский отмечал, что русские воинские силы в Китае находятся в состоянии крайнего разложения, и подготовить дисциплинированную и боеспособную армию за короткий срок невозможно, отсутствует достаточное количество высококвалифицированных военных кадров, а также людей, оставшихся верными идеям антибольшевистской борьбы [НИА, Lukomskii Papers, b. 1, f. Report...].

Значительный интерес представляет характеристика, которую Лукомский дал старшему комсоставу Российской армии, обосновавшемуся в Китае. Ни один из двенадцати старших генералов, о которых пишет Александр Сергеевич, не обладал необходимыми качествами военачальника и лидера, способного объединить вокруг себя русскую военную эмиграцию в Китае. Одних он считал недостаточно политически надежными (Самойлов, Володченко, Колокольцев, Андогский, Хрещатицкий). Других — недостаточно волевыми (Плешков и Ханжин). Третьих — годными только для административной или строевой службы (Вальтер, Жуков, Сычев). Как покажет будущее, Лукомский мало в ком ошибся. В отношении генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса, будущего главы Дальневосточного отдела

РОВСа, он также весьма проникательно отметил: «Безукоризненно честный человек, но потерял всякую веру в возможность работы. Настроен болезненно-мистически и для работы вряд ли теперь полезен. По крайней мере, в настоящее время. Если же “дух” к нему вернется — будет, наоборот, очень полезен» [НИА, Lukomskii Papers, b. 1, f. Report...].

Среди генштабистов Лукомский назвал лучшими генералов С. Н. Люпова, А. И. Андогского, П. Г. Бурлина и К. К. Акинтьевского, указав, что последний, по-видимому, склоняется в пользу ВК Кирилла Владимировича. Из генералов, получивших свои звания в период Гражданской войны, он особо выделил Ф. Л. Глебова, имевшего большой авторитет среди русских военных Шанхая, и К. П. Нечаева, возглавлявшего Русский авангардный отряд в войсках чжанцзолиневского генерала Чжан Цзунчана. Что касается атамана Семенова, то, несмотря на симпатию, которую пробудил в нем этот человек, Лукомский отнесся к его деятельности достаточно осторожно, памятуя о том, какую роль Семенов сыграл в свое время в разложении Восточного фронта, и о его крайней непопулярности в широких слоях эмиграции.

«Вообще же, — писал в заключении представитель РОВСа, — офицерская масса страшно опустилась, развратилась и потеряла моральные устои. Очень незначительная часть офицерства устроилась хорошо или сносно; большинство же влачит жалкое прозябание и, в борьбе за существование, опускается все ниже и ниже» [Ibid.].

Покидая Дальний Восток, генерал Лукомский назначил своим помощником генерал-майора Бурлина, служившего военным инструктором в полицейском управлении Ханькоу. Лукомский первый раз встретился с Бурлиным в Токио, куда последний прибыл специально для встречи с уполномоченным ВК Николая Николаевича, а позднее останавливался у него на квартире во время своего посещения Ханькоу. Представителем РОВСа на территории Маньчжурии стал генерал от кавалерии М. М. Плешков. Важно отметить, что представители РОВСа на Дальнем Востоке были подчинены непосредственно ВК Николаю Николаевичу, а не генералу Врангелю, с которым у Великого Князя были весьма неоднозначные отношения.

Главной задачей Бурлина стала консолидация русской военной эмиграции в Китае и формирование воинских групп, которые в дальнейшем могли стать основой новой Белой армии. При этом он должен был ориентироваться на собственные возможности, не получая никакой финансовой поддержки из центра.

Бурлин, человек деятельный и энергичный, вскоре установил контакты с целым рядом организаций, объединявших бывших военных, и отдельными авторитетными в эмигрантской среде лицами. В Харбине верховенство ВК Николая Николаевича признали Офицерский союз, одно из наиболее крупных объединений военных, возглавлявшееся генерал-лейтенантом А. В. Бордзиловским, а также Восточный казачий союз, одним из руководителей которого являлся генерал-лейтенант Е. Г. Сычев. В Шанхае к «николаевским» организациям относился созданный в 1922 г. Союз служивших в Российских Армии и Флоте (ССРАиФ), работавший под председательством генерал-лейтенанта К. Ф. Вальтера. Союз

вошел в состав РОВСа в 1926 г. Другая крупная и преимущественно военная организация Шанхая — Казачий союз, сформированный в 1925 г., также некоторое время подчинялся РОВСу, но позднее объявил о своей самостоятельности. Кроме того, на Обще-Воинский Союз ориентировались военные организации, существовавшие в Мукдене, Тяньцзине, Дайрене, Циндао.

Большое значение придавалось Бурлиным контактам с генералами В. Д. Косьминым и И. Ф. Шильниковым, связанными с оперировавшими в приграничных с Маньчжурией советских районах белыми партизанскими отрядами. Кроме того, Бурлин привлек к работе некоторых крупных гражданских деятелей. Так, профессор Н. И. Миролюбов (в 1918 г. надзирающий прокурор комиссии по расследованию убийства царской семьи, с 1926 г. председатель Общества русских эмигрантов в Трех Восточных провинциях Китая) принял предложение о разработке положений для временного гражданского управления и организации судебных учреждений на дальневосточной окраине, которая, как предполагалось, в дальнейшем будет управляться «особым Наместником Верховной (диктаторской) Власти России, ЕИВ ВК Николая Николаевича» [НИА, Miroljubov Papers, b. 1, f. Burlin P., 1925–1926].

Один из крупнейших деятелей русской эмиграции в Китае, бывший управляющий КВЖД генерал-лейтенант Д. Л. Хорват, постоянно проживавший в Пекине, также являлся сторонником ВК Николая Николаевича и вел переписку с Бурлиным. В конце 1927 г. под председательством Хорвата было создано Объединение Дальневосточной эмиграции, включавшее в себя в дальнейшем 110 эмигрантских организаций. Хорват указом ВК Николая Николаевича был объявлен главой русской эмиграции на Дальнем Востоке. Тем самым он возглавил гражданскую администрацию российской Дальневосточной окраины в эмиграции, но военные организации ему не подчинялись [Мелихов, с. 161].

Важным шагом в деле объединения военной эмиграции в Китае должно было стать по плану, разработанному Бурлиным, создание десяти воинских групп: Шанхайской (Шанхай и окрестности), Тяньцзинской (Тяньцзин и Пекин, и их окрестности), Ханькоуской (Ханькоу и его окрестности), Циндаоской (Циндао и его окрестности), Мукденской (Мукден, Дайрен, Порт-Артур и их окрестности), Чаньчуньской (Чаньчунь и ст. Куанченцзы), Харбинской (Харбин с его окрестностями и южная ветка КВЖД до ст. Куанченцзы), Восточной (населенные пункты восточной ветки КВЖД), Северной (населенные пункты по западной ветке КВЖД от Харбина до ст. Бухэду и населенные пункты в сторону реки Амур), Западной (населенные пункты западной линии КВЖД от ст. Бухэду до границы с Забайкальем).

Начальник группы подбирался из числа «старших и энергичных воинских чинов», проживающих в данной местности. Начальники групп утверждались по ходатайству представительства ЕИВ на Дальнем Востоке и подчинялись непосредственно представительству. Начальники групп должны были вести учет воинским чинам, проживающим в зоне их ответственности, распределяя их по родам войск и особым категориям. Всего выделялось три категории: 1) желающие активно работать в настоящий подготовительный период; 2) способные

стать в ряды войск по общему или частичному призыву Верховного Вождя (ВК Николая Николаевича); 3) остающиеся на местах, но готовые в этих пунктах содействовать общему делу по особым указаниям. Отдельному учету подлежали генералы, офицеры Генерального штаба и офицеры, командовавшие в период мировой или Гражданской войн полками и более крупными воинскими соединениями [MRC, b. 2, f. Разведывательные сводки о положении в Советской России (ДВ)].

Известно, что работа по созданию воинских групп в различных районах Китая велась, хотя, по-видимому, так и не была завершена. Важным направлением в работе Бурлина являлось поддержание связей с Русской группой войск Шаньдунской армии, находившейся под общим руководством Н. Д. Меркулова, в прошлом министра военно-морских и иностранных дел Временного Приамурского правительства. Согласно воспоминаниям офицеров, служивших в Шаньдунской армии, многие русские военнослужащие считали ВК Николая Николаевича своим Верховным Вождем и готовы были выступить для освобождения России по его зову. В распоряжении частей находились портреты Великого Князя. С 1926 г. в Цинаньфу (здесь располагалась штаб-квартира Русской группы), как и в других местах массового расселения русских военных эмигрантов, осуществлялись денежные сборы в Особую казну Великого Князя². В 1927 г. приказом ВК Николая Николаевича первый выпуск курсантов созданного при Русской группе Шаньдунского военно-инструкторского училища был произведен в чин подпоручиков русской службы [Уваров, с. 146].

Нужно отметить, что попытки объединения военной эмиграции с самого начала сталкивались с различными препятствиями. Серьезным конкурентом в борьбе за возглавление военной эмиграции на Дальнем Востоке являлся для РОВСа «кирилловский» КИАФ, оттягивавший на себя некоторую часть белого офицерства. Свои претензии на роль объединителя военных кругов в Китае выдвигал и атаман Семенов, поддерживавший тесные связи с японцами.

Характер отношений между «николаевцами» и атаманом Семеновым хорошо иллюстрирует письмо генерала Бурлина к генералу Хорвату от октября 1927 г. Бурлин, в частности, пишет: «Между нашим Центром и Атаманом Семеновым никаких отношений не существует. Заявление уполномоченного Атамана Семенова, г-на Фридлендера, о получении Атаманом Семеновым письма Генерала Лукомского с благословением от Великого Князя на “всякое выступление” чистейшая ни на чем не основанная ложь. Подчинения Атамана Семенова Национальному Вождю Великому Князю Николаю Николаевичу не существует. В разных случаях, когда это представляется Атаману Семенову выгодным для его планов, он говорит об этом подчинении, но когда ему кажется это подчинение невыгодным, он отрешается от такого признания и действует сепаратно... Стремление Атамана Семенова получить от общественных организаций обращения и постановления о признании его носителем Верховной Власти направлено явно

² Казна Великого Князя (с 1930 г. — Фонд спасения России им. ВК Николая Николаевича) была учреждена в Европе в 1926 г. Средства Казны использовались руководством РОВСа для проведения антисоветских мероприятий, включая террористическую деятельность на территории СССР.

в ущерб Национальному движению, возглавляемому Великим Князем...» [MRC, b. 2, f. Переписка Вальтер — Бурлин].

Впрочем, даже среди тех, кто относил себя к «николаевцам», не было единства. Конкуренция, нежелание придерживаться субординации, склонность к «атамановщине», — все это было присуще русской военной эмиграции в Китае. Так, например, глава шанхайского ССРАиФ генерал Вальтер был не очень склонен подчиняться указаниям младшего по званию офицера, намекая в своих письмах к генералу Лукомскому, своему однокашнику по академии Генштаба, что Бурлин самовольничает и злоупотребляет положением помощника Уполномоченного ЕИВ на Дальнем Востоке [MRC, b. 2, f. Переписка ген. Вальтера с ген. А. С. Лукомским]. В свою очередь Бурлин, ссылаясь на предписания центра, требовал от Вальтера «уклониться с Союзом от участия в общественно-партийной работе с присущей ей борьбой между группировками»³ и сосредоточиться на «сплочении г.г. офицеров в одну семью, к поддержанию на должном уровне нравственных и служебных у них качеств... к развитию духа преданности Родине и готовности к жертвенному служению Ей» [MRC, b. 2, f. Переписка Вальтер — Бурлин]. Уже позже, в 1929 г., Бурлин будет упрекать Вальтера в том, что тот не выполнил указания Великого Князя, «отписавшись экономическими причинами», и довел численность Союза до 70 человек из свыше 10-тысячного состава в Шанхае русской эмиграции, преимущественно военной [Там же]⁴. Кроме того, Бурлин выражал недовольство активнейшим участием Вальтера и его подопечных в конфликте с иерархами церкви вокруг Свято-Николаевского домового храма в Шанхае⁵.

Генерал Нечаев, один из руководителей Русской группы войск Шаньдунской армии, несмотря на свои заявления о признании верховенства ВК Николая Николаевича, практически не предпринимал никаких шагов для реального взаимодействия с Бурлиным. О чем докладывал в своем рапорте (июнь 1927 г.) на имя генерала Лукомского начальник штаба Русской группы войск полковник М. А. Михайлов, по-видимому, являвшийся основным информатором центра о ситуации в Русской группе. Также Михайлов отмечал, что начальник штаба нечаевской 65-й дивизии генерал-майор Куклин является представителем Жадвойна (представитель ЕИВ ВК Кирилла Владимировича на Дальнем Востоке. — С. С.) и направляет деньги, собранные в Особую казну в дивизии, на нужды «кирилловской» организации. В заключении рапорта полковник писал, что «было бы неправильно докладывать, что он [Нечаев] не подчинится

³ Согласно приказу № 82 генерала Врангеля от сентября 1924 г. чинам РОВСа запрещалось состоять в политических организациях, но входить в различного рода неполитические объединения они могли. Генерал Вальтер с 1925 г. являлся вице-председателем Комитета защиты прав и интересов русских в Шанхае, организации стремившейся выражать интересы всей шанхайской эмиграции, в чем она активно противостояла другому объединению — Русскому эмигрантскому комитету. Формально эти организации не имели определенного политического лица, но борьба между ними способствовала расколу русской эмигрантской общины в Шанхае.

⁴ Стоит отметить, что генерал Вальтер был возмущен «перегибом» Бурлина, указывая численность Союза служивших в Российских Армии и Флоте в 540 человек, что соответствует документам Союза.

⁵ Руководство РОВСа после церковного раскола 1926 г. в результате отхода митрополита Евлогия от Карловацкого Собора Епископов запрещало своим чинам принимать активное участие в борьбе церковных течений и вообще вмешиваться в церковные дела.

Великому Князю. Сейчас он безусловно не пойдет с Атаманом Семеновым, так как мнит себя Атаманом не меньше Семенова» [Политическая история русской эмиграции, с. 41, 42].

Усилий, которые предпринимали генерал Бурлин и его соратники для объединения русской военной эмиграции в Китае, было явно недостаточно. Между тем, в 1927–1928 гг. в Китае у власти укрепляется партия Гоминьдан, разорвавшая со своим бывшим союзником — Китайской компартией — и даже вступившая в конфронтацию с Советской Россией⁶. Антисоветские силы активно поддерживали Великобритания и Япония. Дальний Восток вновь грозил превратиться в главный центр антибольшевистской борьбы. В этих условиях руководство РОВСа приняло решение о создании Дальневосточного отдела Союза.

Приказ о создании Дальневосточного отдела РОВСа вышел в сентябре 1928 г. Начальником отдела был назначен генерал от артиллерии М. В. Ханжин, проживавший в Дайрене, в связи с чем именно Дайрен, с его небольшим русским населением, среди которых было не так много военных, стал центром Дальневосточного отдела Обще-Воинского Союза.

До назначения на должность начальника Отдела генерал Ханжин возглавлял Военный кружок, действовавший в Дайрене с 1927 г. В свое время Лукомский писал о Ханжине, как о человеке безупречно честном, пользующемся общим уважением, но слишком мягком характером, поэтому более подходящем к военно-административной, чем к строевой службе [НИА, Lukomskii Papers, b. 1, f. Report...]. Возможно, характеристика Лукомского не позволила центру отдать в руки Ханжина все руководство организацией. Генерал возглавил работу только по «1-й линии» — административную, работа по «2-й линии» — военная — осталась за Бурлиным.

Ханжин для ведения работы так же, как в свое время Бурлин, не получил никаких финансовых средств, за исключением 3 тыс. франков, которые были направлены из Парижа в 1930 г. Истратив 400 франков на канцелярские нужды, Ханжин в дальнейшем при сдаче должности возвратил оставшиеся деньги во Францию [Русская эмиграция в Маньчжурии].

Не располагая необходимыми средствами и считая себя не вправе возлагать неоплачиваемую работу на кого-то из младших офицеров, Ханжин взвалил все на себя. Работа в основном была связана с многочисленной корреспонденцией, приходившей из центра и с мест. Возвращаясь в пять-шесть часов вечера со службы, он до двенадцати-часа ночи разбирался с ворохом писем, приходивших со всех концов мира. Такая работа привела 58-летнего генерала к крайнему переутомлению и появлению малокровия мозга, что заставило Михаила Васильевича уже в 1929 г. просить центр о замещении его в должности начальника Отдела [Там же].

⁶ Кризис советско-китайских отношений стал результатом стремления советского руководства, ставившего своей задачей советизацию Китая, дирижировать китайской революцией 1925–1927 гг., а также из-за нарастающих противоречий между СССР и Великобританией. В апреле 1927 г. было захвачено советское консульство в Пекине, в руки китайских властей попали документы о деятельности советской разведки и Коминтерна на китайской территории. В дальнейшем эти документы были опубликованы. Были арестованы несколько советских военных советников, а в декабре 1927 г. разгрому подверглось советское консульство в Гуанчжоу, после чего Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Китаем.

Работа по 2-й линии, за которую отвечал генерал Бурлин, была тесным образом связана с партизанским движением в приграничных районах. В конце 1920-х гг. партизанское движение в сопредельных с Маньчжурией Забайкалье, Приамурье и Приморье, заглохшее было в середине десятилетия, вновь стало активизироваться. Как считают некоторые исследователи [Базанов], это было в немалой степени сопряжено с деятельностью Братства Русской Правды (БРП)⁷, чьи первые дальневосточные подразделения появились, вероятно, в 1927 г.

В состав БРП входили многие крупные фигуры эмигрантского боевого подполья — генералы Шильников, Сычев, Косьмин, Д. В. Загоскин, полковники А. Г. Грызов, А. Г. Доможиров, и др. Часть из них, как, например, Шильников, Сычев, Доможиров, были членами РОВСа. Генерал Бурлин, оставаясь одним из руководителей Дальневосточного отдела Обще-Воинского Союза, либо в 1927, либо в 1929 г. принял должность Наместника БРП на Дальнем Востоке, что привело в дальнейшем к его отстранению от руководящих должностей в РОВСе. Заместителем Бурлина являлся генерал Сычев.

Участие членов РОВСа в деятельности Братства объяснялось в том числе и тем, что Обще-Воинский Союз, согласно заявлениям его начальника генерала А. П. Кутепова, исходил из общности своих целей с целями БРП и сочувствовал Братству, хотя и не входил в его руководство [МРС, б. 3, ф. Переписка начальника Дальневосточного отдела РОВС. Циркуляры — Ханжин, 1928–1930].

На Дальнем Востоке действовал целый ряд партизанских отрядов, большинство которых руководство БРП связывало с собой и направляло их деятельность. «Братчики» имели на советской территории свою агентуру и немало сочувствующих. Одним из главных центров деятельности отрядов Братства являлась ст. Пограничная и соседние с нею районы.

Были случаи, когда в Китай для организации боевых операций против советской власти направлялись эмиссары из других стран эмигрантского рассеяния. Так, в 1928 г. в Китай из Европы прибыла группа офицеров под руководством капитана 1-го ранга К. К. Шуберта, направленная Верховным Монархическим Советом. В их распоряжении находилась достаточно крупная денежная сумма. Часть этих денег была использована для формирования Дальневосточного Корпуса русских добровольцев, организацией которого занимался прибывший из Северной Америки генерал-майор Н. П. Сахаров. Было решено, что Дальневосточный корпус будет напрямую подчиняться генералу Хорвату, а не Дальневосточному отделу РОВСа [Бегидов и др., с. 189]. Однако собрать, как предполагалось по плану, тысячный Корпус не удалось, были созданы лишь три партизанских отряда, по одному на каждую из советских областей, граничивших с Маньчжурией [цит. по: Усов].

⁷ Братство Русской Правды было образовано в 1921 г. в Берлине по инициативе герцога Г. Н. Лейхтенбергского, литераторов С. А. Соколова-Кречетова и А. В. Амфитеатрова, генерала П. Н. Краснова и др. для подрывной антисоветской деятельности. Центральным печатным органом БРП был журнал «Русская Правда». БРП имело свои отделения в Европе, на Дальнем Востоке, в Северной Америке. На Дальнем Востоке не было единого отдела БРП, наоборот, существовало несколько подразделений, которые вели самостоятельную работу, что негативно сказывалось на результатах деятельности Братства.

На протяжении 1929 г. отношения между Китаем и Советским Союзом достигли пика напряженности. Летом-осенью 1929 г. в Маньчжурии разгорелся вооруженный конфликт вокруг КВЖД, который часть русской военной эмиграции постаралась использовать для расширения борьбы за освобождение России. В бывшей полосе отчуждения КВЖД стали формироваться белые отряды, в приграничных районах значительно активизировалось партизанское движение.

Руководство РОВСа, отвергая путь иностранной военной интервенции и считая, что Россия «должна быть освобождена из-под власти большевиков исключительно русскими руками», так и не смогло в сложившихся условиях четко определить свою позицию по отношению к конфликту. Глава Союза генерал Кутепов в письмах к Ханжину указывал, «что при возникновении военных действий на территории Маньчжурии и Монголии нам нельзя давать официального согласия на участие в борьбе с большевиками наших вооруженных сил (русских отрядов) совместно с японцами или китайцами» [MRC, b. 3, f. Переписка начальника Дальневосточного отдела РОВС. Циркуляры — Ханжин, 1928–1930]. В то же время он отмечал, что «русские национальные организации могут оказать помощь в борьбе с СССР лишь в случае определенной гарантии о ненарушении национальных интересов России» [цит. по: Голдин, с. 73]. Впрочем, официальные китайские власти также не спешили открыто поддержать участие белых русских в конфликте и даже препятствовали этому.

Тем не менее, отдельные партизанские отряды (в которые входили и члены РОВСа) переходили границу, нападали на пограничные заставы, сельсоветы, представителей советских властей. Так, в начале сентября границу в районе ст. Пограничная пересек отряд полковника Мохова численностью в 22 человека, организованный генералом Сахаровым. Совершив рейд по нескольким селам, отряд, в конце концов, был разгромлен подразделением ГПУ, полковник Мохов и часть его бойцов были убиты, другие, во главе с помощником Мохова, подполковником Н. Степановым, арестованы. Вскоре на страницах советских газет Приморья появилось покаянное письмо Степанова, а советская разведка получила немало интересных сведений, поскольку Степанов был близким к генералу Сахарову человеком [MRC, b. 2, f. Разведывательные сводки о положении в Советской России (ДВ)]. Стоит отметить, что партизанские авантюры стоили жизни многим белым бойцам и офицерам, а эффект их был минимален.

После нескольких крупных военных неудач своей армии осенью 1929 г. китайская сторона в декабре того же года подписала с Москвой Хабаровский протокол, восстанавливавший статус-кво на КВЖД. По требованию советской стороны белые партизанские отряды были распущены, часть их участников арестованы или выдворены за пределы Северо-Восточного Китая.

События 1929 г. в Маньчжурии, несмотря на поражение антибольшевистских сил, способствовали консолидации русской военной эмиграции в Китае. В 1929 г. произошло объединение военных организаций Мукдена, на базе которого образовалось Мукденское отделение РОВСа под председательством генерал-майора П. П. Петрова. Аналогичные объединения произошли в Циндао

под председательством генерал-лейтенанта И. С. Смолина и в Тяньцзине [MRC, б. 2, ф. Материалы Союза служивших в Российских Армии и Флоте], вероятно, во главе с полковником П. А. Веденяпиным, позднее — полковником Бендерским. В том же году разгорелась борьба за объединение военных организаций Шанхая.

Первая попытка создать объединение в конце 1929 г., несмотря на активную поддержку со стороны генерала Ханжина, опасавшегося усилившегося стремления со стороны атамана Семенова сплотить военных Шанхая вокруг себя, окончилась неудачей. Некоторые, как, например, Бурлин, не разделяли идею объединения на базе Шанхайского ССРАиФ во главе с генералом Вальтером, другие, в том числе генерал Дитерихс, — по-прежнему сторонились участия в работе эмигрантских организаций. Только после похищения в Париже главы РОВСа генерала Кутепова советской разведкой, всколыхнувшего всю военную эмиграцию, объединение шанхайских военных организаций осуществилось.

Объединительное собрание под председательством генерала Дитерихса, вставшего на путь активной антисоветской борьбы под впечатлением похищения Кутепова, состоялось 2 марта 1930 г. в помещении Союза военных инвалидов на Ранж род. В состав объединения вошли, сохранив при этом свою внутреннюю организацию, ССРАиФ, Казачий союз, Союз военных инвалидов, Союз Георгиевских Кавалеров, Общества Егерского, Уральского и Камского полков, Общество маньчжурцев, Урало-Сибирское трудовое общество, Общество воспитанников бывших Российских кадетских корпусов [Часовой, 1930, № 29, с. 23].

На базе объединения шанхайских военных организаций в апреле 1930 г. было оформлено Шанхайское отделение Дальневосточного отдела РОВСа, временно возглавляемое генералом Дитерихсом. В июле того же года начальник Отдела генерал Ханжин по собственной просьбе был освобожден от занимаемой должности, а новым начальником Отдела стал назначенный приказом председателя РОВСа генерал-лейтенанта Е. К. Миллера еще до его окончательного решения генерал Дитерихс. Михаил Константинович сосредоточил в своих руках работу по административной и военной линиям Отдела.

Приход к руководству Дальневосточным отделом РОВСа генерала Дитерихса открыл новый, наиболее интенсивный и результативный период в деятельности Обще-Воинского Союза в Китае.

Аблазжей Н. Н. РОВС и Енисейское казачество [Электронный ресурс]. URL: http://cossac-awards.narod.ru/Zametki/Zametka11_ROWS_EKV.html (дата обращения: 24.06.2014). [Ablazhej N. N. ROVS i Enisejskoe kazachestvo [Electronic resource]. URL: http://cossac-awards.narod.ru/Zametki/Zametka11_ROWS_EKV.html (mode of access: 24.06.2014).]

Аблова Н. Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999. [Ablova N. E. Istorija KVZhD i rossijskoj jemigracii v Kitae (pervaja polovina XX v.). Minsk, 1999.]

Базанов П. Н. Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья. М., 2013. [Bazanov P. N. Bratstvo Russkoj Pravdy — samaja zagadochnaja organizacija Russkogo Zarubezh'ja. M., 2013.]

Бегидов А. М., Ершов В. Ф., Парфенов Е. Б., Пивовар Е. И. Российская военная эмиграция в 1920–30-е гг. Нальчик, 1998. [Begidov A. M., Ershov V. F., Parfenov E. B., Pivovarov E. I. Rossijskaja voennaja jemigracija v 1920–30-e gg. Nal'chik, 1998.]

Борейко А. М. Русский Общевоинский Союз и советские органы государственной безопасности: 1924 — вторая половина 1930-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. [Borejko A. M. Russkij Obshhevoinskij Sojuz i sovetskie organany gosudarstvennoj bezopasnosti: 1924 — vtoraja polovina 1930-h gg. : dis. ... kand. ist. nauk. M., 2002.]

Голдин В. И. Армия в изгнании. Страницы истории Русского Обще-Воинского Союза. Архангельск ; Мурманск, 2002. [Goldin V. I. Armija v izgnanii. Stranicy istorii Russkogo Obshhe-Voinskogo Sojuza. Arhangel'sk ; Murmansk, 2002.]

Ершов В. Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М., 2000. [Ershov V. F. Rossijskoe voenno-politicheskoe zarubezh'e v 1918–1945 gg. M., 2000.]

Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. [Ioffe G. Z. Krah rossijskoj monarhicheskoj kontrrevoljucii. M., 1977.]

Комин В. В. Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977. [Komin V. V. Krah rossijskoj kontrrevoljucii za rubezhom. Kalinin, 1977.]

Мелихов Г. В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М., 2007. [Melihov G. V. Rossijskaja jemigracija v mezhdunarodnyh otnoshenijah na Dal'nem Vostoke (1925–1932). M., 2007.]

Мухачев Ю. В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства. М., 1982. [Muhachev Ju. V. Idejno-politicheskoe bankrotstvo planov burzhuaznogo restavratorstva. M., 1982.]

Наземцева Е. Н. «Он мало нашел среди них людей верных и преданных только Родине...». Поездка генерал-лейтенанта А. С. Лукомского на Дальний Восток в 1924–1925 гг. и консолидация русской военной эмиграции // Военно-исторический журнал. 2013. № 8. С. 64–70. [Nazemceva E. N. «On malo nashel sredi nih ljudej vernyh i predannyh tol'ko Rodine...». Poezdka general-lejtenanta A. S. Lukomskogo na Dal'nij Vostok v 1924–1925 gg. i konsolidacija russkoj voennoj jemigracii // Voенно-istoricheskij zhurnal. 2013. № 8. S. 64–70.]

Политическая история русской эмиграции. 1920–1940-е гг.: Документы и материалы : учеб. пособие. М., 1999. [Politicheskaja istorija russkoj jemigracii. 1920–1940-e gg.: Dokumenty i materialy : ucheb. posobie. M., 1999.]

Русская эмиграция в Маньчжурии. Обзор М. Ханжина [Электронный ресурс]. URL: www.liveinternet.ru/users/everstti_rymin/ (дата обращения: 20.04.2012). [Russkaja jemigracija v Man'chzhurii. Obzor M. Hanzhina [Electronic resource]. URL: www.liveinternet.ru/users/everstti_rymin/ (mode of access: 20.04.2012).]

Уваров Б. Шаньдунский офицерский инструкторский отряд (1925–1928 гг.) // Белая эмиграция в Китае и Монголии / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. М., 2005. [Uvarov B. Shan'dunskij oficerskij instruktorskij otrjad (1925–1928 gg.) // Belaja jemigracija v Kitae i Mongolii / sost., nauch. red., predisl. i komment. S. V. Volkova. M., 2005.]

Усов В. В. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://e-reading.ws/boor.php?book=143514> (дата обращения: 07.06.2014). [Usov V. V. Sovetskaja razvedka v Kitae. 20-e gody XX veka [Electronic resource]. URL: <http://e-reading.ws/boor.php?book=143514> (mode of access: 07.06.2014).]

Часовой. 1930. № 29. [Chasovoj. 1930. № 29.]

Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1986. [Shkarenkov L. K. Agonija beloј jemigracii. M., 1986.]

НИА. Лукомский (А. С.) Papers. Box 1. F. Report to Grand Duke Nikolai Nikolaevich regarding trip to Far East for possible anti-bolshevik movement, 1925.

НИА. Милюбов (Н. И.) Papers. 1918–1927. Box 1. F. Burlin P., 1925–1926.

МРС. Русские эмигранты на Дальнем Востоке. Box 1–3.

Robinson P. The White Russian Army in Exile. 1920–1941. Oxford, 2002.